

Н.Ю.Кудеярова

Испания — Куба: постколониальная миграционная трансформация

Миграционное взаимодействие между Испанией и Кубой выделяется на общем фоне трансатлантической миграции. В XIX в. Куба стала последним форпостом испанской империи в Западном полушарии и в сжатые сроки прошла практически все стадии и формы колонизации. Республиканское правление не привело к сокращению испанского миграционного потока, однако его интенсивность стала определяться экономическими факторами. Победа Кубинской революции является началом нового этапа мобильности, где испанское направление заняло важное место. Постепенно политический мотив кубинской эмиграции уступил место экономическим запросам.

Ключевые слова: миграция, Испания, Куба, Латинская Америка, мобильность, колониализм, постколониализм.

DOI: 10.31857/S0044748X0000448-1

Миграционный путь между Испанией и Кубой стал ярким воплощением колониального и постколониального движения, сконцентрированного на ограниченном отрезке времени. В ходе Войны за независимость 1810—1826 гг. испанские континентальные колонии добились политической свободы, однако остров в Карибском море остался своего рода последним бастионом иберийского государства в Западном полушарии. Закат империи сопровождался воспроизводством многих колониальных практик, постепенно утрачивавших свою жизнеспособность. Если вторая половина XVIII в. была периодом упадка переселенческой мобильности на материковые земли Испанской Америки¹, то на Кубе в этот период формировались условия для своеобразного ренессанса.

Численность населения острова росла медленно, некоторое оживление обозначилось только в конце XVI в., когда Гавана стала базой испанского флота в Новом Свете. В 1537 г. на острове насчитывалось 5,8 тыс. жителей, из которых только 300 были испанцами². В исследовании российского

Надежда Юрьевна Кудеярова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (n.kudeyarova@yandex.ru).

историка Евгения Александровича Ларина отмечалось, что в 1580 г. численность населения Кубы составляла 14-16 тыс. человек с концентрацией в Гаване и окрестностях, в 1602 г. — 20 тыс. После захвата в 1655 г. Ямайки Англией часть жителей этого острова эмигрировала на Кубу, и население последней достигло 40 тыс. человек. Следующий скачок произошел после 1762 г. и был связан с последствиями английского захвата Гаваны и обменом Флориды, из-за которого «все испанцы, проживавшие там, переехали на Кубу, население которой резко возросло, и в 1775 г. уже насчитывало 170 370 человек»³. В миграционном движении преобладал локальный формат мобильности между территориями Карибского бассейна, миграция из метрополии лишь незначительно влияла на рост численности населения.

КВИНТЭССЕНЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

В истории Кубы специфическим образом сплелись перипетии испанской колониальной системы, взлеты и падения глобальной торговой конъюнктуры. На рубеже XVIII—XIX вв. увеличение спроса на сахар на мировом рынке дало толчок развитию плантационного хозяйства, что повлекло за собой принципиальное изменение миграционного движения. «Вплоть до середины XVIII в. главной отраслью экономики Кубы было животноводство. Выращивание сахарного тростника и табака играло второстепенную роль», — отмечал Е.А.Ларин⁴. Отсутствие масштабного плантационного хозяйства объясняло и невысокую активность работорговли по сравнению с континентальными владениями: ввоз африканских невольников в период с 1521 по 1763 г. был минимальным — суммарно было доставлено около 60 тыс. рабов⁵, что в среднем составляло около 250 человек в год.

Рост цен на тростниковый сахар способствовал коренному изменению товарной ориентации экономики. Ручной труд на тростниковых плантациях (инхенио) требовал наличия рабочей силы, которой в конце XVIII — начале XIX в. на острове не было. Однако был известен способ решения этой проблемы — работорговля. По данным американского историка Филипа Кёртина, с 1774 по 1807 г. на Кубу были ввезены 119 тыс. рабов с африканского континента — более половины всего потока в Испанскую Америку. Следствием Войны за независимость стала концентрация практически всего «испанского» потока работорговли на владениях в Карибском море. За время бурного роста числа плантаций в XIX в. и вплоть до отмены рабства на Кубе в 1886 г. были ввезены 606 тыс. африканских рабов⁶.

«Сахарный бум» первой половины XIX в. сформировал влиятельный пласт креольской плантационной экономической элиты, настроенной, как и метрополия, на сохранение status quo. Торговля кубинским сахаром стала одним из основных источников пополнения испанской казны. Сама эта торговля также была индикатором изменений, происходивших в колониальной системе: после установления испанским королем Фердинандом VII (1808,1814—1833) режима свободной торговли «между Кубой и другими нациями» и ратификации соответствующего постановления в 1818 г. возможность поставлять сахар и табак в Европу и, особенно, в США взорвала морской торговый трафик. К 1870 г. колония экспортировала 30% всего мирового объема сахара. Порт Гаваны превратился в один из самых ожив-

ленных в мире, а США — в основного клиента: в середине XIX в. в эту страну направлялись 62% кубинского сахара, 22% в Великобританию и лишь 3% в саму Испанию⁷.

Политическая турбулентность и борьба за независимость колоний в начале XIX в. оказали прямое воздействие на миграционную ситуацию на Кубе. Война между Испанией и Францией отразилась на французах, проживавших на Кубе. В 1809 г. около 6 тыс. человек были вынуждены покинуть остров из-за вооруженных нападений. Однако с установлением мира между странами значительная часть французских эмигрантов вернулась⁸. Важным шагом в изменении формальной миграционной политики стало то, что иностранцы-католики получили разрешение проживать на острове. Хотя разнообразный состав испанской империи всегда позволял обходить формальные запреты, королевская седула* от 21 октября 1817 г. «разрешала обосновываться на постоянное местожительство на острове всем иностранным католикам, изъявивших желание сделать это»⁹. В целом такая политика имела некоторый успех. Несмотря на транспортные и организационные трудности, «только с 1818 по 1820 г. на Кубу в основном их Европы переселилось более 10 тыс. человек. Больше всего иммигрантов пришло из Испании, Франции, Ирландии и США»¹⁰.

Решения испанской короны первой четверти XIX в. по сути были направлены на возрождение колонизации. Если результатом войны за независимость на американском континенте стал постепенный переход к классической миграционной модели движения населения, то в XIX в. на Кубе был воспроизведен механизм колониального переселения. Среди прочих отличий для него было характерно отсутствие свободы выбора места проживания: «переселенцам выделялся дом в городе или сельской местности, в зависимости от того, куда их направит колониальная администрация. Для распределения земли, которой переселенцы наделялись бесплатно, была создана специальная комиссия. Размеры участков зависели от возможностей иммигранта. Некоторые приезжали на остров со своими рабами»¹¹. При этом «королевская седула призывала расселять переселенцев в восточной части острова, где «имеется больше реаленговых земель**», и где была срочная необходимость увеличить население за счет почтенных белых»¹². Экономике переселения способствовало строительство сети железных дорог, начатое в 1835 г. в целях развития сахарной и табачной отраслей. Однако интерес метрополии имел социально-демографическую и политическую подоплеку: «была поставлена задача поддержать «равновесие» между черным и белым населением на острове, чтобы сохранить господство над ним и избежать желания креольской элиты отделиться от Испании»¹³. Такие цели становятся понятными, если обратиться к данным о составе жителей в 1827 г., где белое население составляло 36%, свободные цветные 27% и рабы 37%¹⁴.

* Королевская седула — указ испанского короля, разрешавший юридический конфликт или определявший формы коллективных или индивидуальных действий в определенных юридических ситуациях.

** Термин «реаленго» («realengo») обозначает земли, зависящие непосредственно от короля.

В то же самое время Куба аккумулировала потоки, выдавливаемые из других постколониальных владений. Среди спровоцированных политическими решениями «выделялась миграция из Мексики, возникшая после указа 1829 г. о преследовании в отношении испанцев. Вынужденное переселение затронуло также французов, живших в этой стране и в других странах Карибского бассейна после получения ими независимости»¹⁵. Потеря Францией ее колоний в Карибском бассейне притянула на Кубу большую часть французских колонистов.

Снижение темпа работорговли и расширение каналов иммиграции на остров сформировало принципиально новые потоки переселенцев. Когда усилия по привлечению нового контингента французских работников потерпели крах, было принято решение об импорте рабочих рук из любой другой части мира. В 40-х годах XIX в. возникло мнение о целесообразности привлечения менее проблемных азиатских мигрантов и выходцев из мексиканского Юкатана. Контрактация китайских работников (*culí*) из провинции Фуцзянь проводилась при взаимодействии с английскими властями. Этот вид трудовой миграции просуществовал с 1844 по 1873 г. В соответствующем договоре фиксировался статус «законтрактованного колона» — по сути чернорабочего, ограниченного условиями восьмилетнего контракта, нанятого на полурабских условиях для замены на плантациях африканских невольников. Тем не менее ежегодный ввоз китайских рабочих шел по нарастающей: если в 1844 г. прибыли 1073 человек, то в 1853 г. уже 5 тыс. Считается, что за 20 лет — с 1853 по 1873 г. — на Кубу отправились 132,5 тыс. китайцев, из которых 13% скончались в дороге или вскоре по прибытии. По мере высвобождения они переселялись в города, где занимались ремеслом и торговлей. Позднее, согласно данным переписи 1899 г. на острове насчитывалось 14,8 тыс. китайцев; столь сильное уменьшение группы исследователи связывали с последствиями Войны за независимость 1895 г., в которой они приняли активное участие¹⁶.

Возрастающая экономическая и военно-стратегическая значимость Кубы влияла на миграционный режим территории. Наибольшее воздействие на социально-экономическую жизнь оказывали испанские мигранты, занимавшие ведущие позиции во многих отраслях кубинской экономики: они доминировали в торговле во всех регионах, контролировали кредитную сферу и представляли большинство среди государственных служащих и офицеров королевской регулярной армии.

Становление Кубы в качестве форпоста Испании в Западном полушарии сопровождалось концентрацией войск и военизированной миграцией. На протяжении XIX в. Куба была очень милитаризованной территорией: было подсчитано, что в мирное время на одного испанского солдата приходилось от 60 до 70 гражданских лиц, во время Десятилетней войны (1868—1878) — уже 15, а в 1897 г. — девять мирных жителей. Эти расчеты не включали гражданскую гвардию, батальон общественного порядка, полицию, нерегулярные войска — институт добровольцев, «белых» и «цветных» ополченцев, а также вооруженных пожарных¹⁷. В период с 1868 по 1898 г. из Испании на Кубу прибыли около 465 тыс. гражданских лиц и 535 тыс. военных, из которых около 700 тыс. окончательно осели на острове¹⁸.

Активному миграционному движению между Испанией и ее карибской колонией способствовали внутренние демографические процессы на иберийском полуострове — рост численности населения и неспособность государства ответить на этот вызов. География происхождения мигрантов со временем менялась. На начальной стадии большинство составляли жители Канарских островов, в меньшей степени — каталонцы. Впоследствии доля первых снизилась, а большую часть потока формировали уроженцы северной части иберийского полуострова. Так, например, «в 1860 и 1861 гг. на канарцев приходилось от 15% до 20% испанских иммигрантов, что было на 40% меньше, чем в предшествующие десятилетия. Каталонцев было 10%, около 35% давала совокупная группа выходцев северного побережья страны — галисийцы, астурийцы, кантабрийцы, баски и наварцы»¹⁹.

Во время кровопролитной Десятилетней войны (1868—1878) испанская иммиграция продолжила расти, но точно не известно, какая часть переселенцев стала постоянными жителями. Постепенная отмена ограничений, сдерживавших свободную эмиграцию (испанская конституция 1869 г. зафиксировала свободу эмиграции из страны), дала новый импульс этому процессу. В период с 1882 по 1908 г. Куба приняла 48,2%, в том числе в 1895—1896 гг. — 76% потока испанских мигрантов, направлявшихся в Америку²⁰. К рубежу XIX—XX вв., совпавшему с крушением империи в ходе испано-американской войны, миграционная жизнь на острове активно развивалась. Самобытный портрет хаотической мобильности, с одной стороны, составляли иммигранты — испанские сельские труженики, военные из метрополии, квалифицированные специалисты, а с другой — политические эмигранты, покидавшие остров под давлением испанских властей. Последние годы имперского господства ознаменовались значительным притоком испанцев. Эта тенденция не утратила силу и после завоевания независимости в 1898 г., и во время военного вмешательства США.

Общие исторические тенденции всегда преломляются в судьбах современников. Ярким примером стала фигура Хосе Марти (1853—1895) — «апостола» независимости Кубы. В его биографии, в его литературных трудах можно проследить становление кубинской и в более широком контексте — латиноамериканской идентичности, зарождавшейся на стыке исторических эпох. Взгляд на биографию героя через оптику миграционных процессов позволяет увидеть новые оттенки его личности. Сын военного из Валенсии и уроженки Канарских островов, Х.Марти родился в Гаване в 1853 г. Через четыре года семья вернулась в Валенсию, где провела два года, а затем вновь отправилась на Кубу. Во время Десятилетней войны симпатии Марти были на стороне восставших, открытые политические высказывания привели к аресту и приговору к каторжным работам. В 1871 г. усилия отца способствовали изменению наказания на высылку в Испанию. В Мадриде Марти не только работал, но и получил юридическое образование в Центральном университете Мадрида (ныне известном как Университет Комплутенсе), в 1874 г. получил ученую степень в Университете Сарагосы. В том же 1874 г. Марти посетил Париж и другие европейские города, а затем вернулся в Латинскую Америку. До возвращения в 1878 г. в Гавану прожил несколько лет в Мексике, путешествуя в Гватемалу и Венесуэлу. В 1879 г. Марти был арестован испанскими властями за революционную дея-

тельность и вновь выслан с Испанию. С 1880 по 1895 г. он жил в Нью-Йорке, где активно занимался публицистикой, участвуя в подготовке восстания на Кубе²¹.

Жизнь Марти была неразрывно связана с миграцией. Его родители были мигрантами из диаметрально противоположных частей Испании, чья судьба свела на далекой заокеанской территории. Сам Марти находился в постоянном движении, обусловленном как принуждением, так и свободным выбором. С Испанией были связаны не только обстоятельства ссылки, но и годы детства, полученное разностороннее образование. Важным вопросом становится тема национальной идентичности Марти. Происхождение, детство, образование и другие факторы могли сформировать испанскую идентичность героя. Однако на краю империи независимость латиноамериканских стран и острое восприятие несправедливости жизни на карибском острове привели к однозначному отождествлению себя с Кубой и ее многосоставным обществом.

Четко и недвусмысленно отношение к испанскому господству Марти высказывает в своих публицистических текстах. В них можно увидеть то принципиальное несогласие с политическим режимом, объединявшее выходцев иберийской страны и их потомков, которые выступали против современного им политического строя на зависимых территориях в Западном полушарии:

«При содействии испанского правительства в нашей стране после войны хозяйничают преступники, а власть в городах захватили подонки общества; полчища испанских чиновников и их кубинские сообщники грабежом создают себе состояния; нашу страну превратили в вертеп; герой и философ в ней голодают, а хищники из метрополии утопают в роскоши; честный крестьянин, разоренный войной, которая с первого взгляда может показаться бесполезной, молча вернулся к плугу, хотя в свое время он сменил этот плуг на мачете; тысячи людей, изгнанные из своей страны после поражения революции, которые никакие силы не могут заставить разгореться, пока не пробьет ее час, — учились в борьбе за существование среди свободных народов управлять собой и создавать нацию: наши метисы и наша городская молодежь не всегда отличаются физической силой, но зато они красноречивы, вежливы и под перчаткой скрывают руку, способную не только писать стихи, но и разить врага»²².

В трудах самого Марти четко прослеживается линия размежевания не столько с «испанским», сколько с испанским имперским колониальным режимом. Это разграничение имело не столько культурную, сколько политическую и территориальную основу. А культурное противопоставление в большей степени было направлено на уклад жизни и ценности североамериканского соседа. Для дальнейшей судьбы острова многие мартианские тезисы были пророческими.

Обобщая данные о разнонаправленной динамике миграционного движения на Кубе позднего колониального периода, исследователи выделяют несколько этапов. Первый период (1789—1837) был отражением борьбы за независимость и в целом стал составной частью международного революционного цикла. Он характеризовался доминированием экспортной экономики сахара, основанной на развитии рабовладельческих плантаций. На этой стадии испанская миграция представляла собой поток, состоящий из

канарских крестьян и торговцев кантабрийского и каталонского побережья. Второй этап (1837—1868) был ознаменован подъемом плантационной экономики, опиравшейся на технологические инновации промышленной революции, и развитием наземного и морского транспорта. В этот период снизилась интенсивность работорговли, была осуществлена попытка замены рабов китайскими колоннами, что, однако, не влияло на динамику испанской миграции. Третий период (1868—1899), проходивший на фоне Десятилетней войны, отмены рабства и Войны за независимость, характеризовался тем, что испанцы стали единственным внешним источником рабочей силы. В заключительной фазе 1895—1898 гг. большинство из них были фермерами, что свидетельствовало о возникновении новой волны крестьянской эмиграции из Испании. Был также замечен приток рабочих, позволивший немного смягчить проблемы ограниченности индустриального развития страны, преимущественно импортировавшей промышленные товары. Мастера и инженеры прибывали на остров, привлеченные спросом на квалифицированный труд, необходимый для обслуживания сахарных заводов или добычи полезных ископаемых²³.

Парадоксальным образом в то время, когда перед обретшими независимость государствами Латинской Америки остро встала проблема низкого демографического роста и малой заселенности территории, колониальная политика на Кубе привела к стремительному увеличению численности населения. Если к началу XIX в. на острове проживали 274 тыс., то в 1899 г. — 1 млн 573 тыс. человек; таким образом, численность населения увеличилась в 5,7 раз. Из них 67% относилось к «белым» и 33% — к «цветным», потомкам африканских рабов и китайских рабочих²⁴.

На всем протяжении XIX в. переселенческая политика Испании мотивировалась стратегическими целями, обусловленными необходимостью перемещения значительного контингента людей для колонизации острова, а также для его защиты от экспансии других держав. При этом сама эмиграция была вызвана постоянной генерацией избыточной рабочей силы в метрополии, чему способствовали естественный прирост населения, снятие официальных ограничений на выезд и низкая стоимость трансатлантического переезда.

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА ИМПЕРИИ

Распад испанской империи и американская оккупация острова стали важнейшим рубежом в жизни Кубы. Усиление влияния США напрямую не затрагивало миграционную активность со стороны бывшей метрополии. Миграция из иберийской страны не остановилась, хотя ее конфигурация изменилась. Начавшийся период можно обозначить как заключительную стадию большого цикла трансатлантической миграции из Испании на Кубу. Парадоксально, но война за независимость Кубы не сформировала отношения ненависти или презрения к «испанскому». Не возникло проблем, сходных с событиями в Мексике или других странах, где выходцы из метрополии воспринимались враждебно и даже иногда подлежали высылке. С началом республиканского правления в 1902 г. собственность испанцев не конфисковали, что положительно сказалось на их решении остаться на острове²⁵.

Постепенно на Кубе стал формироваться режим, характерный для экономической формы миграции, где первоочередную роль играли спрос и предложение на рынке труда. По мнению испанских исследователей этому способствовал целый ряд разнонаправленных процессов. Можно отметить трагические последствия «политики концентрации» (*reconcentración*), проводимой испанским генералом Валериано Вейлером-и-Николау (1838—1930), которая привела к гибели тысяч людей, значительным демографическим потерям в результате Войны за независимость и оставила аграрную сферу без рабочей силы. Миграции способствовали и нехватка рабочих рук, необходимых для восстановления разрушенных плантаций, и, наконец, распространение сахарной индустрии на практически незаселенные зоны в провинциях Камагуэй и Ориенте, которые превратились в новые центры притяжения испанских мигрантов²⁶.

Определенную стимулирующую роль в начале XX в. сыграло кубинское иммиграционное законодательство, которое на время запретило въезд в страну людям афроантильского или восточного происхождения. Испанцы, наоборот, могли свободно въезжать на остров при наличии минимальной денежной суммы или присутствия поручителя. На протяжении первого десятилетия двадцатого столетия эти благоприятные условия способствовали продолжению активной миграции из Испании. На латиноамериканском направлении Куба активно конкурировала с Аргентиной в привлечении испанских мигрантов. Так, в 1907 г. на Кубе число испанцев увеличилось на 43% в сравнении с 1899 г.²⁷

Островное государство стало своеобразным «бенефициаром» глобальных катаклизмов. Первая мировая война спровоцировала дефицит на сахарном рынке Европы, что повлекло увеличение производства на Кубе, и как следствие — повышении спроса на рабочую силу. Испанской миграции благоприятствовали не только законодательные меры, но и деятельность агентов-вербовщиков, различные рекламно-пропагандистские кампании. Во втором десятилетии XX в. потребность в рабочей силе на сборе урожая на сахарных плантациях способствовала активной трансатлантической мобильности. Это совпало со снижением стоимости морского пути и сокращением средней продолжительности поездки.

Выходцы из Испании действовали в рамках классических моделей иммиграционного поведения. Историки отмечали, что «в это время была создана Ассоциация содействия иммиграции, призванная поддержать семейную форму колонизации. Возник также Попечительский совет испанских иммигрантов, созданный для их защиты от злоупотреблений этой сфере. 1920 год был ключевым для постколониального периода миграции, когда на Кубу прибыли около 100 тыс. испанцев, многие из которых были движимы стремлением «сделать состояние»»²⁸.

Поток мигрантов в 1910—1925 гг. позволил привлечь на Кубу около трети общего числа испанских переселенцев в Америку. Преимущественно это были молодые мужчины трудоспособного возраста, в большинстве своем занятые в сельском хозяйстве. Заметную часть также представляли профессионалы высокой квалификации, работавшие в крупных и малых городах страны²⁹. Как и ранее, большинство составляли галисийцы, астурийцы, канарцы. Практически все они были сосредоточены в Гаване и в провинциях Матансас и Лас-Вильяс (современные Вилья-Клара, Сьенфу-

эгос и Санти-Спиритус). Со временем их присутствие стало увеличиваться также и в восточных провинциях, где происходило развитие сахарных плантаций.

Поскольку работа в сельском хозяйстве носила сезонный характер, возвращение на родину значительной части трудовых мигрантов стало структурным элементом сложившегося формата. Когда в 1925 г. начался большой экономический спад, достигший кульминации в 1929 г., к возвратному потоку сезонного найма добавилась репатриация испанцев, оставшихся без работы. Остров, на протяжении долгого времени притягивавший людские потоки, превратился в донора эмиграции. В эти годы в переписи было зарегистрировано всего 256 тыс. испанцев³⁰. К 1930 г. испанская колония на Кубе уменьшилась и уже не восстановилась.

Впоследствии Гражданская война в Испании (1936—1939) спровоцировала значительную волну изгнания, но она была направлена, прежде всего, в европейские страны. Некоторые испанские республиканцы отправлялись во Францию, где добивались кубинского гражданства и уезжали на Кубу. Однако такие примеры были не столь многочисленны. Зачастую Куба использовалась в качестве транзитного этапа на пути в Мексику. Тем же, кто не смог получить разрешение на въезд в Мексику и остался на острове, приходилось выдерживать жесткую конкуренцию на местном рынке труда. Экономический спад, законодательный контроль рынка труда сокращали возможности трудоустройства. Выживанию и интеграции способствовали объединения соотечественников, такие как Клуб испанских республиканцев и другие. После Второй мировой войны (с 1946 по 1958 гг.) миграционный поток из Испании был слабым и постепенно сошел на нет.

Испано-кубинский вектор миграционной мобильности имел долгую историю. Его важность усиливало то обстоятельство, что Куба оставалась одной из последних колоний Испании в Западном полушарии. В начале XX в. она входила в число наиболее востребованных точек притяжения на латиноамериканском направлении. Сложившаяся миграционная связь была наиболее устойчивой формой взаимодействия между двумя территориями, где со временем менялась интенсивность и направление мобильности.

КУБИНЦЫ В ИСПАНИИ: РЕПАТРИАЦИЯ И МИГРАЦИЯ

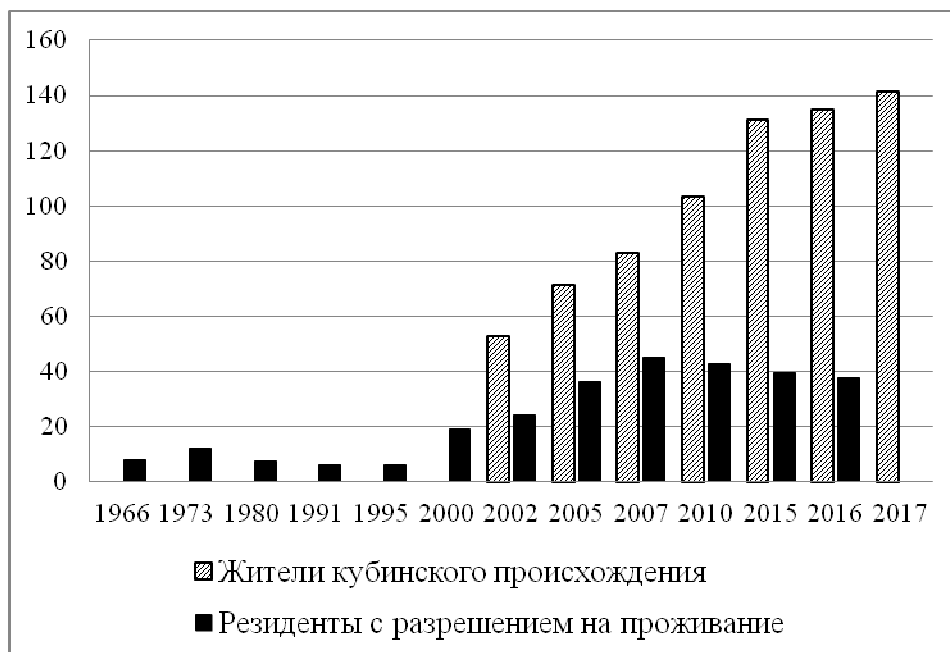
Во второй половине XX в. началась «испанская» история кубинской эмиграции, вызванная последствиями революционных преобразований на Кубе. Естественно, что основным направлением постреволюционного исхода стала североамериканская Флорида³¹. Испания не сразу стала целью островной эмиграции, к ней обратилась вторая волна несогласных с революционными преобразованиями, вобравшая в себя представителей средних слоев. Их миграционные настроения окончательно обозначились после кастровских реформ и национализации мелких предприятий, завершившихся в 1968 г. Важным структурным элементом стал принцип репатриации, наличия кровных уз и родственных связей.

Кубинские мигранты вливались в латиноамериканское сообщество Испании, которое начало оформляться в 1970-х годах. Значительную его часть составляли изгнанники, покинувшие свои страны из-за пришедших к

власти военных. Здесь выделялись чилийская антипиночетовская волна, уругвайские и аргентинские мигранты. Парадоксальным образом режим Франсиско Франко (1939—1975) давал убежище многим латиноамериканцам, вынужденным уехать из своих стран из-за политического давления. Условия для приезда кубинцев в Испанию были более выгодными по сравнению с другими странами. Например, если «Мексика брала 300 долл. за визу, то Испания — только 3 кубинских песо»³². При наличии родственных связей (детей, внуков или племянников испанцев) получение визы в консульстве значительно облегчалось.

На начальном этапе с 1966 по 1973 г. наблюдался постепенный рост кубинского присутствия с 8 до 12 тыс. человек. Предположительно до 1973 г. кубинцам предоставлялись временные разрешения. Большая часть тех, кто в период в 1973—1980 гг. избрал этот маршрут эмиграции, использовали Испанию в качестве транзита — одной из сторон миграционного треугольника для последующего переезда в США. Это отражалось на статистике учета, когда, с одной стороны, в Испании фиксировалось значительное число кубинцев с временными разрешениями, используемыми в качестве индикатора въездного и выездного потоков, а с другой — существовало неопределенное количество мигрантов, находящихся в нелегализованной ситуации. В последующие годы отмечался спад с 12 тыс. резидентов до 6 тыс. в 1991 г. (см. график).

ЖИТЕЛИ ИСПАНИИ, РОДИВШИЕСЯ НА КУБЕ (тыс.)

Составлено по данным: INE. Cifras de población (2002-2017); Extranjeros con certificado de registro o tarjeta de residencia en vigor / Observatorio Permanente de la Inmigración (1996—2016).

Политическая составляющая миграции отчасти реализовывалась в разных формах общественной активности. Старейшей организацией стал Испанский кубинский центр (Centro cubano de España), основанный в 1966 г. Его главной задачей было объединение кубинцев, живущих в изгнании в Испании, и продвижение «идеи свободы» на Кубе³³. В разные годы также регулярно создавались небольшие организации и ассоциации, объединявшие несколько человек, которые брали на себя ответственность говорить от лица всех кубинцев при возникновении политической необходимости, что зачастую выглядело как попытка монетизации статуса борца с режимом. В 1974 г. практическую поддержку и заметную роль в организации помощи кубинским беженцам сыграл международный «Красный крест». Он активно сотрудничал с государственными органами во время инцидента в посольстве Перу в Гаване в 1980 г., когда в нем укрылось большое количество кубинцев, часть которых впоследствии эмигрировала в Испанию.

Приток кубинцев существенно повлиял на латиноамериканское сообщество в иберийской стране. Кубинская миграция занимала особое место в ее миграционной мозаике. Исторический контекст во многом объяснял географию распределения кубинцев по территории королевства: основными регионами проживания стали Канарские острова, Каталония и Мадрид, что объяснялось силой тесных исторических и семейных уз, связывавших эти регионы с карибским островом.

Многие кубинцы, оказавшиеся на испанской земле, впоследствии принимали испанское подданство. Если на начальной стадии миграционного процесса еще была надежда на возвращение на родину или на отъезд в США, то по мере демократизации Испании, урегулирования механизма получения статуса «беженца» законом 1984 г. число натурализованных граждан постепенно увеличивалось. Преемственность исторических, культурных и родственных связей вела к тому, что многие кубинцы не воспринимались в качестве иностранцев. Они полностью интегрировались в испанское общество.

Среди получивших разрешение на работу было значительное количество специалистов с высоким уровнем профессиональной квалификации — около 40% от общего числа работающих занимали ответственные должности, при том, что сельское хозяйство (как противоположная по квалификации сфера занятости) не привлекало выходцев с острова. Так, «вклад кубинцев был особенно заметен в области корпоративного управления, в сфере финансов (учета и аудита), там, где испанский рынок труда в тот период испытывал потребность. Синтез технической подготовки, присущей американским университетам, и солидные культурно-исторические связи с Испанией существенно повышали конкурентоспособность кубинцев. В те годы уровень образования Университета Гаваны позволял его выпускникам занимать высокие посты в многонациональных компаниях, расположенных в Испании. «Это не было капиталистическим самодовольством изгнанников диктатуры, выходцев из Латинской Америки. Они действительно были способны занимать эти позиции», — отмечал один из респондентов проведенного тогда исследования³⁴. Примечательно, что третичный сектор (сфера услуг) поглощал 75% занятых, в основном занимавшихся торговлей.

1990-е годы стали своеобразным рубежом в развитии миграционной модели Испании. Распад биполярной международной системы существенно повлиял на характер кубинской миграции. Миграционный бум в Испании начала XXI в. радикально трансформировал социально-демографические и экономические характеристики приехавших в страну людей. Синхронизация с новой волной латиноамериканской миграции способствовала постепенному изменению профиля кубинского потока. Доминировавшая в прошлом черта политических изгнанников постепенно уступала место экономическому мотиву. Численность кубинских мигрантов росла, их типологические черты менялись.

На новом этапе в сообществе кубинских мигрантов замечен перевес в сторону женщин (около 58%). Согласно результатам масштабного «Национального опроса мигрантов», кубинцам свойственна высокая доля семейной миграции; переехавшие всей семьей составили около 37% сообщества. В возрастной структуре преобладали когорты активного трудоспособного возраста: 39,1% составляли люди в возрасте 24-34 лет. Можно отметить, что на самой Кубе акцент сдвинут на возрастную категорию старше 45 лет. Это сравнение подтверждает тезис о трудовом характере мобильности. Несмотря на то, что кубинцы становились все более и более похожими на остальных трудовых мигрантов из латиноамериканского региона, в их среде поддерживался более высокий образовательный уровень: 38,3% имели высшее образование, 54,4% — среднее. Многие подавали документы на конвалидацию дипломов о высшем образовании. Постепенно стали проявляться новые черты занятости. Если до 1991 г. среди кубинцев была велика доля специалистов, технических работников и руководителей, то с начала 2000-х годов профессиональный статус постепенно стал снижаться. Мужчины в основном находили работу в строительной индустрии (21%), гостиничном бизнесе (16%), промышленности, торговле, образовании и здравоохранении (по 10-12%). Характер трудоустройства женщин отличался, основными сферами занятости были образование и здравоохранение (22%), сфера обслуживания (17%) и торговля (16%)³⁵.

Трансформация кубинской миграции во многом синхронизирована с процессами, происходящими и с другими выходцами из стран латиноамериканского региона, живущими в Испании. Формат репатриации, основанный на наличии родственных уз и семейных связей, постепенно сходит на нет. Кубинский миграционный поток обретает характер экономической миграции, утрачивая исходную политическую окраску. Важную роль играют спрос и предложение на рынке труда, возможности реализации образовательного потенциала. В такой ситуации исторические и культурные связи и общее языковое пространство становятся важным конкурентным преимуществом. В начале XXI в. формат трансатлантической мобильности обрел очертания классической экономической модели миграции, что позволяет говорить о завершении постколониального цикла миграционного взаимодействия между Испанией и Кубой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

³⁵ Н.Ю.Кудеярова. Межконтинентальные миграции в колониальный период. — Латинская Америка. 2016. №11. с. 81-96. [N.Yu. Kudeyarova. Mezkhkontinental'nye migracii v

kolonial'nyj period . [Intercontinental migration in the colonial period]. Latinskaya Amerika, 2016, № 11, p. 81-96.

² G.P o n c e H e r r e r o (ed.). La Habana. De Colonia a Metrópoli. Madrid: Agencia Española de Cooperación Internacional, AECI, 2007, p. 72.

³ Е.А.Л а р и н. Куба конца XVIII – первой трети XIX века. М., «Наука», 1989. с. 24. [E.A. Larin. Kuba konca XVIII – pervoy treti XIX veka [Cuba in the late 18th – the first third of the 19th century]. Moscow, Nauka, 1989, p. 24.

⁴ Op. cit.

⁵ J.B e r e n g u e r C a l a. La emigración francesa en la jurisdicción de Cuba. Santiago de Cuba. Editorial Oriente. 1979. P. 19.

⁶ Ph.D.C u r t i n. The Atlantic Slave Trade. A Census. Madison, Milwaukee, London. The University of Wisconsin Press. 1969. p. 35, 268.

⁷ G.P o n c e H e r r e r o. Op. cit., p. 91.

⁸ J.B e r e n g u e r C a l a. Op. cit., p. 76.

⁹ Е.А.Л а р и н. Op. cit., p. 96.

¹⁰ Е.А.Л а р и н. Op. cit., p. 97.

¹¹ Е.А.Л а р и н. Op. cit., p. 97.

¹² Е.А.Л а р и н. Op. cit., p. 97.

¹³ М^аА.С а л л é А л о n s o (coord.). La emigración española en América: historias y lecciones para el futuro. Madrid, Fundación Directa, 2009, p. 70.

¹⁴ J.B e r e n g u e r C a l a. Op. cit., p. 83.

¹⁵ G.P o n c e H e r r e r o. Op. cit., p. 95.

¹⁶ J.J i m é n e z P a s t r a n a. Los chinos en las luchas por la liberación cubana (1847-1930). La Habana, 1963, p. 24, 31, 106.

¹⁷ М^аА.С а л л é А л o n s o. Op. cit., p. 71.

¹⁸ G.P o n c e H e r r e r o. Op. cit., p. 100.

¹⁹ М^аА.С а л л é А л o n s o. Op. cit., p. 71.

²⁰ М^аА.С а л л é А л o n s o. Op. cit., p. 72.

²¹ José Julián Martí Pérez. — Available at: <https://nuestrojosemarti.wordpress.com/category/infancia/> (accessed 03.04.2018).

²² Х о с е М а р т и. В защиту Кубы. — Избранное. М., Художественная литература, 1974, с. 163-164. [Jose Martí. V zashitu Kuby [A Vindication of Cuba]. Izbrannoe [Selected works]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1974, p. 163-164.

²³ М^аА.С а л л é А л o n s o. Op. cit., p. 72.

²⁴ G.P o n c e H e r r e r o. Op. cit., p. 96; Е.А.Л а р и н. Куба: завершение войны за независимость. Испано-американская война. — История Латинской Америки. 70-е годы XIX века – 1918 год. М., Наука, 1993, с. 287. [E.A.Larin. Kuba: zavershenie voyny za nezavisimost'. Ispano-amerikanskaya voyna [Cuba: the End of the War of Independence. Spanish-American War]. — Istoriya Latinskoj Ameriki. 70-e gody XIX veka – 1918 god. [Latin American History. 70th years of the 19th century – till 1918]. Moscow, Nauka, 1993, p. 287.

²⁵ I.G a r c í a-M o n t ó n, G.^aB a q u e r o. La emigración cubana a España, 1960-1992 // Revista Complutense de Historia de América, 23. Servicio de Publicaciones, UCM. Madrid, 1997, p. 289.

²⁶ М^аА.С а л л é А л o n s o. Op. cit., p. 73.

²⁷ М.^aP. G o n z á l e z Y a n c i, М.^aJ.A g u i l e r a A r i l l a. La inmigración cubana en España. Razones políticas y de sangre en la elección de destino. - Espacio, Tiempo y Forma, Serie VI, Geografía, t. 15, 2002, p. 14.

²⁸ Ibidem.

²⁹ М^аА.С а л л é А л o n s o. Op. cit., p. 73

³⁰ М.^aP. G o n z á l e z Y a n c i, М.^aJ.A g u i l e r a A r i l l a. Op. cit., p. 14.

³¹ Н.Ю.К у д е я р о в а. Кубинская диаспора. — Латиноамериканские диаспоры в США. М., Наука, 2003, с. 157-189. [N.Yu. Kudyarova. Kubinskaja diaspora [Cuban Diaspora]. —

Latinoamerikanske diasporas v SShA [Latin American Diasporas in the United States]. Moscow, Nauka, 2003, p. 157-189.

³² I. García-Montón, G. Baquero. Op. cit., p. 276.

³³ R. Sotomayor. La configuración del Exilio Cubano en España. 27.12.2007. — Available at: <http://otrosdcs.blogspot.ru/2007/11/la-configuracin-del-exilio-cubano-en.html> (accessed 03.04.2018).

³⁴ I. García-Montón, G. Baquero., p. 285-287, 288.

³⁵ Encuesta Nacional de Inmigrantes 2007: el mercado de trabajo y las redes sociales de los inmigrantes. Madrid, Ministerio de trabajo e inmigración, 2010, pp. 368, 370, 372, 407, 448.

Nadezhda Yu. Kudiyarova (n.kudiyarova@yandex.ru)

Ph.D. (History), Lead Researcher, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILAS)

Spain — Cuba: postcolonial migration transformation

Abstract. Migration interaction between Spain and Cuba stands apart from the general transatlantic migration trend. In the XIX century Cuba became the last Western hemisphere Spanish Empire stronghold. It has passed almost all stages and forms of colonization in a short time. The republican form of government has not reduced the Spanish migration flow, but its intensity was determined by economic factors. The Cuban revolution initiated a new stage of mobility; the Spanish direction being an important part of it, while the political reasons for Cuban emigration have gradually given way to economic demands.

Key word: migration, Spain, Cuba, Latin America, mobility, colonialism, postcolonialism.